

Диоген Синопский

20 Диоген, родом из Синопы, был сыном менялы Гикесия. По сообщению Диокла, он бежал из родного города, так как его отец, будучи казённым менялой, подделывал монеты. Эвбулид же в своей книге о Диогене утверждает, что и Диоген занимался тем же и покинул родину вместе с отцом. Как бы то ни было, но и сам Диоген в сочинении «Леопард» признаётся в том, что перчеканивал монеты. Другие же говорят, что, назначенный казначеем, он, поддавшись уговорам подчинённых ему работников, направился в Дельфы или на Делос, родину Аполлона, чтобы спросить у оракула, следует ли ему сделать то, в чём его убеждают. Бог разрешил ему изменить государственный строй (*politicon nomisma*), а он его неправильно понял и стал подделывать деньги (*nomisma*), но, как говорят, был уличён и изгнан. По другим источникам, он сам бежал, испугавшись наказания.

21 Сообщают также, что он подделывал монеты, которые давал ему отец, умерший впоследствии в тюрьме, а сам он бежал и прибыл в Дельфы, где спросил оракула, что ему сделать, чтобы заслужить славу, а не о том, подделывать ему деньги или нет. Именно тогда он и получил указанный выше оракул.

По прибытии в Афины он познакомился там с Антисфеном. Тот его оттолкнул, так как вообще никого к себе не допускал, но Диоген упорством всё же добился своего. Однажды Антисфен замахнулся на него палкой, но Диоген только наклонил голову и сказал: «Бей. Но у тебя не найдется такой дубины, чтобы прогнать меня, пока у тебя будет, что сказать». С этого времени он стал его учеником и, будучи изгнанником, вёл весьма скромную жизнь.

22 Как рассказывает Феофраст в диалоге «Мегарик», Диоген, наблюдая пробежавшую мышь, которая не заботилась о постели, не боялась темноты, не искала так называемых лакомств, нашёл выход из своего собственного положения. Он первым, как утверждают некоторые, стал складывать вдвое свой плащ, вынужденный спать на нём; он раздобыл себе котомку, куда складывал пищу, и где угодно мог завтракать, спать, беседовать. Это афиняне, говорил он, позаботились, чтобы ему было где жить, и показывал на портик Зевса и на Помпейон.

23 Он стал пользоваться посохом только после болезни, но вскоре всегда начал ходить с ним, но не в городе. Как сообщают афинский протат Афинодор, ритор Полиевкт и сын Эсхриона Лисаний, в дорогу он брал с собой и посох, и суму. Когда Диоген в письме попросил знакомого найти ему небольшой домик, а тот запоздал с ответом, он устроил себе жилище в большой бочке[20] в Метрооне. Об этом он и сам говорит в одном из своих писем. Летом он катался в горячем песке, а зимой обнимал статуи, засыпанные снегом, пользуясь любым случаем для закалки.

24 К своим современникам он относился с большим высокомерием. Школу Евклида, например, называл школой Желчида, Платоновы беседы — пустым бредом[21], состязания

на Дионисиях[22] — большими иллюзионными представлениями для дураков, демагогов — прислужниками черни. Он говорил также, что когда в жизни встречается кормчих, врачей и философов, то думает, что среди живых существ нет никого умнее человека. Но, видя толкователей снов, прорицателей и тех, кто им верит, или людей, надутых от сознания, своей славы или богатства, считает, что нет никого глупее человека. Он часто говаривал, что для жизни надо запастись разумом или верёвкой на шею.

25 Однажды на пышном пиру, заметив, что Платон ест простые оливки, Диоген воскликнул: «Как же так получается? Знаменитый философ предпринимал путешествие на Сицилию специально ради изысканных яств, а теперь отказывается от того, что лежит перед носом?!» На что Платон отвечал: «Но, клянусь богами, Диоген, я и там по большей части питался оливками и тому подобным». — «Тогда зачем нужно было плыть, в Сиракузы? Разве в то время в Аттике был неурожай на оливки?» — возразил Диоген. Фаворин в «Пёстрых рассказах» приписывает этот ответ Аристиппу. Как-то в другой раз он ел сушеные фиги и повстречал Платона. «Можешь взять», — предложил он ему. Тот взял и съел. «Можешь взять, сказал я, а не съесть», — рассердился Диоген.

26 Однажды Платон пригласил в гости друзей, прибывших от Дионисия. Пришёл и Диоген и стал топтать ковры хозяина со словами: «Попираю тщеславие Платона». На что Платон заметил: «Какое же тебя самого распирает тщеславие, хотя ты и делаешь вид, будто вовсе не тщеславен». По другим сведениям, Диоген сказал: «Попираю гордыню Платона». — «Другой гордыней», — ответил Платон. Сотион в четвёртой книге своего сочинения утверждает, что киник сказал: так я попираю самого Платона. Однажды Диоген попросил у Платона вина, а затем и сушёных фиг. Философ прислал ему целый жбан, а Диоген сказал: «Когда тебя спрашивают, сколько будет дважды два, ты отвечаешь — двадцать? Твой ответ также не соответствует вопросу, как и подарок — просьбе». Так он посмеялся над ним как над болтуном.

27 Когда спросили, где в Греции он видел добродетельных мужей, он ответил: «Мужей — нигде, детей — в Лакедемоне». Однажды он рассуждал о чем-то весьма серьёзном, но никто не обращал на него внимания. Тогда он начал верещать по-птичьи. Собрались люди Диоген стал стыдить их, что они поспешили слушать чепуху, а к серьёзным речам отнеслись пренебрежительно. Он говорил, что люди состязаются в рытье канав и подножках, а в добродетели — никто. Он удивлялся грамматикам, которые выискивают грехи у Одиссея, а своих собственных не видят; музыканты же умеют настраивать струны на лире, а собственный нрав настроить никак не могут.

28 Астрономы наблюдают за солнцем и луной, а то, что под ногами, не замечают. Риторы охотно говорят о справедливости, но поступки их никогда ей не соответствуют. Скупцы поносят деньги, а сами любят их больше всего на свете. Он презирал тех, кто восхищается честными людьми за то, что они выше денег, а сами завидуют богачам. Его возмущало, что люди приносят жертвы богам ради своего здоровья, а сами во время жертвоприношений обжираются, нанося вред здоровью. Он удивлялся, как это рабы, видя обжорство господ, не расхищают их пищу.

29 Он хвалил тех, кто затевал жениться и не женился, кто хотел отправиться в путешествие и не отправлялся, кто собирался посвятить себя государственной жизни и не посвящал, кто намеревался воспитывать детей и не делал этого, а также тех, кто был готов пойти в услужение к вельможам, но избегал даже общения с ними. Он говорил, что к друзьям нужно идти с раскрытыми руками, а не сжимать их в кулак. Менипп в «Продаже Диогена» рассказывает, что, когда философа взяли в плен и выставили на продажу и кто-то спросил, что он умеет делать, тот ответил: «Править людьми», — и обратился к глашатаю с просьбой, чтобы он объявил, не хочет ли кто-нибудь купить себе господина. Когда ему запретили садиться, он сказал: «Не имеет значения. Как бы рыба ни лежала, её всё равно купят».

30 По его словам, он удивлялся тому, что, покупая кувшин или таз, мы их тщательно проверяем, а при покупке человека довольствуемся лишь беглым осмотром. Купившему его Ксениаду он говорил, что тот должен ему повиноваться, хотя он и раб. Ведь если кормчий или врач — рабы, их всё равно слушаются. Эвбул в сочинении «Продажа Диогена» рассказывает, что философ, воспитывая сыновей Ксениада, среди прочих наук учил их верховой езде, стрельбе из лука, умению обращаться с пращей, искусству метания копья. Когда они занимались на палестре, он не позволял тренеру делать из них атлетов а заботился лишь о том, чтобы лица юношей покрывал румянец и были крепкими их тела.

31 Мальчики также учили наизусть много отрывков из поэтов и писателей, в том числе и из сочинений самого Диогена, причем весь учебный материал для скорейшего усвоения он излагал кратко. Он учил их дома самим себя обслуживать, есть простую пищу и пить воду, носить короткую стрижку, обходиться без украшений, не надевать ни хитонов, ни обуви и ходить по улицам молча, потупив взор. Он устраивал для них и псовую охоту. Они же, со своей стороны, проявляли заботу о Диогене и выступали его защитниками перед родителями. Тот же Эвбул сообщает, что Диоген состарился в доме Ксениада, там умер и был похоронен его сыновьями. Когда Ксениад спросил Диогена, как его похоронить, тот ответил: «Вниз лицом».

32 На вопрос «зачем?» он ответил: «Ведь скоро всё, что было внизу, окажется наверху». Эти слова были связаны с тем, что македоняне к этому времени уже захватили власть и из подчинённых стали властителями. Однажды какой-то человек привёл его в богатый дом и запретил плевать, тогда он сначала отхаркнулся, а потом плюнул ему в лицо, прибавив, что более грязного места не нашёл. Другие приписывают эти слова Аристиппу. Как-то раз он закричал: «Эй, вы, люди!» Сбежался народ. Он набросился на них с палкой со словами: «Я звал людей, а не дерьмо». Об этом рассказывается у Гекатона в первой книге «Хрий». Передают, что Александр однажды сказал: «Если бы я не был Александром, то хотел бы быть Диогеном».

33 Калеками он считал не тех, кто глух и слеп, а тех, у кого нет котомки[23]. Однажды, рассказывает Метрокл в «Хриях», Диоген пришёл к юношам на пир с наполовину остриженной головой, за что был побит. Тогда он написал на белой табличке имена своих обидчиков, повесил её себе на шею и так стал ходить по городу, пока все не начали над ними издеваться, презирать их и бранить. Он говорил о себе, что он одна из тех собак, которую все хвалят, но ни один из хвалителей не решится взять с собой на охоту. Когда кто-то расхвастался: «На Пифийских играх я побеждаю мужей», Диоген ему возразил: «Это я

побеждаю мужей, а ты — рабов»[24].

34 Тем, кто говорил ему: «Ты уже старик, отдохни, наконец», он отвечал: «Как же так? Если бы я бежал на состязаниях и был бы уже близок к финишу, разве мне следовало расслабиться, а не напрячь все силы?» Однажды, когда его позвали на пир, он отказался, ссылаясь на то, что раньше, когда принял приглашение, никто его за это не поблагодарил. Он ходил босиком по снегу и делал ещё многое, о чём было сказано выше. Он пробовал есть сырое мясо, но не мог его переварить. Однажды он застал оратора Демосфена завтракающим в трактире. Тот скрылся во внутреннее помещение трактира, на что Диоген заметил: «Так ты ещё больше окажешься в харчевне». Когда какие-то иностранцы хотели повидать Демосфена, Диоген выставил средний палец[25] и сказал: «Вот вам афинский демагог».

35 Кто-то обронил кусок хлеба и постеснялся его поднять. Тогда Диоген, желая преподать ему урок, привязал к горлу кувшина верёвку и поволок его так через весь Керамик[26].

Он говорил, что подражает хормейстерам, которые дают хористам более высокую ноту с тем, чтобы те придерживались нужного тона. Большинство людей, говорил он, отделяет от безумия лишь один только палец; ведь если кто-нибудь будет расхаживать по улицам и указывать на все средним пальцем, то подумают, что он сошёл с ума, а если — указательным, то нет. Он говорил далее, что ценные вещи продаются за бесценок и наоборот. Так, например, статуя стоит три тысячи драхм, а хеник муки — два медяка.

36 Купившему его Ксениаду Диоген сказал: «Ну, теперь исполняй приказания!» Когда же тот воскликнул:

«Вспять потекли источники рек!»[27]

— ответил: «Если бы ты заболел и купил себе врача, разве ты не подчинялся бы ему, а лишь декламировал: „Вспять потекли источники рек“?» Один человек хотел обучаться у него философии. Диоген дал ему селёдку и приказал следовать за ним. Когда же тот, застеснявшись, бросил её и ушёл, философ, встретив его спустя некоторое время, со смехом сказал: «Нашу дружбу порушила селёдка». Диокл рассказывает об этом иначе. Кто-то предложил: «Приказывай нам, Диоген». Тогда Диоген отвёл просителя в сторону и дал кусок сыру, стоивший всего пол-обола, и велел ходить с ним. Человек отказался, тогда Диоген заметил: «Нашу дружбу разорвал кусочек сыру».

37 Увидев однажды мальчишку, который пил воду из ладошки, он выбросил из своей котомки кружку и сказал: «Мальчик превзошёл меня в скромности жизни». Он выбросил и тарелку, когда увидел, как мальчик, разбив случайно миску, ел свою чечевичную похлёбку из углубления, сделанного в хлебном мякише. Он рассуждал так: «Все принадлежит богам. Мудрецы — друзья богов, а у друзей всё общее. Значит, всё принадлежит мудрецам». Увидев однажды женщину, припавшую к статуям богов в непристойной позе, и желая освободить ее от суеверия, он, как рассказывает Зоил из Перги, подошёл к ней и сказал: «Женщина, а не боишься ли ты, что бог стоит как раз позади тебя — ведь всё преисполнено им — и ты оскорбляешь его своим неприличным видом?»

38 Он привел в храм Асклепия в качестве подарка кулачного бойца, чтобы тот подбегал и бил каждого, кто падает ниц.

Он любил говорить, что над ним сбылись трагические проклятия, ибо он:

Безродный изгнанник, лишенный отчизны,
Бродяга и нищий, без крова и пищи[28].

Он говорил, что судьбе противопоставляет отвагу, закону — природу, страстям — разум. В Крании Диоген грелся на солнышке. Подошёл Александр и сказал: «Проси у меня чего хочешь». Диоген ответил: «Только не загораживай мне солнца». Кто-то громко и долго читал, тогда Диоген показал на чистое место в конце свитка и сказал: «Мужайтесь, люди, — вижу землю». Когда какой-то человек стал доказывать, что у Диогена есть рога, тот потрогал свой лоб и сказал: «А я их не чувствую».

39 В том же духе он стал действовать, когда кто-то утверждал, что движения не существует, — поднялся с места и начал прохаживаться взад и вперёд. Разглагольствующего об астрономических явлениях он спросил: «Давно ли ты спустился с небес?» Когда какой-то порочный евнух написал на двери своего дома: «Пусть не войдёт сюда никакое зло!», — Диоген спросил: «А как же теперь войдёт сюда хозяин дома?» Умастив ноги благовонной мазью, он рассуждал: «Благовоние распространяется от головы в воздух, а от ног оно поднимается к ноздрям». Афиняне уговаривали его принять посвящение в святыя таинства, уверяя, что в Аиде посвящённые пользуются преимуществами. «Смешно, — ответил философ, — когда Агесилай и Эпаминонд будут барахтаться в нечистотах, а никчёмные людишки только за то, что они приняли посвящение, — обитать на Островах блаженных».

40 Мыши карабкались на стол с едой. Диоген заметил и сказал: «Теперь даже у меня есть нахлебники». Когда Платон назвал его собакой, он сказал: «Правильно. Ведь я вернулся назад к продавшим меня». Диоген выходил из бани. Его спросили, много ли там моется людей. Он ответил, что нет. Когда же его спросил кто-то, много ли там народа, он сказал: «Да». Когда Платон выступил с определением: «Человек есть животное с двумя ногами и без перьев», — и заслужил всеобщее одобрение, Диоген ощипал петуха и принёс его в платоновскую школу со словами: «Вот человек Платона». Тогда тот прибавил к своему определению: «И кроме того, с плоскими ногтями». Обратившемуся к нему с вопросом, в какое время следует завтракать, Диоген ответил: «Если ты богат, когда хочешь; если беден, когда можешь!»

41 У мегарцев он видел овец, покрытых кожаными накидками, а дети их ходили голыми. В связи с этим он заметил: «У мегарца выгоднее быть бараном, чем сыном». Кто-то сначала задел его бревном, а потом крикнул: «Берегись!» — Диоген засмеялся: «Ты что, снова собираешься меня ударить?» Он говорил, что Демагоги — лакеи черни, а венки — сыпь славы. Среди бела дня с зажжённым фонарём в руках бродил он повсюду и говорил: «Человека ищу». Однажды он стоял весь промокший до нитки. Собрались люди и стали жалеть его. Проходивший мимо Платон обратился к ним: «Если вам действительно жаль его, ступайте своей дорогой», — этим он намекал на его тщеславие. Когда кто-то нанёс ему удар

но голове кулаком, Диоген вскричал: «Как же, о Геракл, я забыл надеть шлем, выходя на улицу?!»

42 Но когда Мидий ударил его и добавил: «Вот три тысячи драхм у тебя на столе», — на следующий день он обмотал себе руки ремнями и отдубасил Мидия, приговаривая: «Вот тебе три тысячи на стол!» Продавец лекарств Лисий спросил его, верит ли он в богов. Диоген ответил: «Как же мне не верить, когда я вижу такого богомерзкого подонка». Другие авторы приписывают эти слова Феодору. Увидев какого-то человека, совершавшего омовение, он обратился к нему: «Бедняжка, как же ты не понимаешь, что омовением не исправишь ни грамматических, ни жизненных ошибок». Он упрекал людей в том, что, молясь, они просят богов не об истинном благе, а лишь о том, что им кажется таковым.

43 Тем, кто пугался снов, он говорил, что они не обращают внимания на то, что делают наяву, а о том, что им приснится ночью, заботятся. Однажды в Олимпии глашатай провозгласил: «Диоксипп победил мужей», — Диоген запротестовал: «Это я побеждаю мужей, а он — рабов».

Несмотря на всё, афиняне любили его. Так, когда какой-то озорник сломал его бочку, они поколотили его, а Диогену привезли новую. Стоик Дионисий сообщает, что после битвы при Херонее Диоген был взят в плен и доставлен к Филиппу. Когда тот спросил его, кто он такой, Диоген ответил: «Я соглядатай твоей ненасытности». В изумлении царь велел его отпустить.

44 Однажды Александр послал письмо Антипатру в Афины через некоего Афлия. Диоген присутствовал при этом и сказал:

Несчастный от несчастного через несчастного несчастному[29]. Когда Пердикка под угрозой смертной казни приказал Диогену явиться к нему, философ заметил: «Подумаешь, чем грозит. На это же способны скорпионы и фаланги. Только бы он не грозился, что и без меня может жить счастливо». Он часто громко заявлял, что богами людям дана лёгкая жизнь, а они забыли о ней, гонясь за лакомствами, благовониями и тому подобным. Поэтому человеку, которому раб надевал сандалии, он сказал: «Ты был бы совсем счастлив, если бы он ещё и сморкался за тебя. Покалечь себе руки, так оно и будет».

45 Однажды он увидел, как жрецы вели воришку, стащившего чашу из сокровищницы храма, и сказал: «Крупные воры погоняют мелкого». Увидев мальчишку, швыряющего камни в крест, сказал: «Давай! Бей! Ты достигнешь своей цели»[30]. Мальчишкам, которые обступили его и кричали: «Не покусай нас!» — он отвечал: «Смелее, братцы. Эта собака не ест свёклу»[31].

Некто надел на себя львиную шкуру и ходил с гордым видом. Диоген обратился к нему: «Не позорь одеяния доблести». Человеку, который превозносил Каллисфена и восхищался его роскошной жизнью в свите Александра, он сказал: «Несчастен тот, кто завтракает и обедает, когда захочется Александру».

46 Нуждаясь в деньгах, он утверждал, что не просит у друзей подаяния, а лишь требует возвратить долг. Однажды на центральной площади он занимался рукоблудием и говорил

при этом: «О, если бы можно было утолить и голод, потирая вот так пустое брюхо». Увидев мальчика, идущего с сатрапами на пир, он схватил его и увёл к родителям и велел смотреть за ним как следует. Мальчишке, накрашенному как женщина и спросившему его о чем-то, он ответил, что не станет с ним говорить раньше, чем тот скинет одежды и покажет, мужчина он или женщина. Мальчику, который в бане играл в коттаб, он сказал: «Чем больше тебе везёт, тем хуже». Во время пира ему бросали кости, как собаке. Тогда он подошел к пирующим и обмочил их, как собака.

47 Риторов и всех тех, кто краснобайствовал из тщеславия, он называл «трижды человеки», т. е. «трижды несчастные». Невежественного богача он называл золотым бараном. Увидев на доме гуляки надпись «Продаётся», он воскликнул, обращаясь к дому: «Я был уверен, что, живя в таком пьяном угаре, ты легко вместе с блевотиной освободишься и от своего хозяина». Мальчику, который жаловался на приставания, он сказал: «А ты не носись со своей порочностью». Увидев грязную баню, спросил: «Где же моются те, кто здесь вымылся?» Только он один хвалил толстяка-кифареда, которого все бранили. Его спросили, почему. Последовал ответ: «Скажите спасибо, что при таком аппетите он всё ещё играет на кифаре, а не грабит».

48 Одного кифареда, от игры которого всегда разбегались слушатели, приветствовал он словами: «Привет, петух». — «Почему ты так меня называешь?» — спросил кифаред. «Потому что ты заставляешь всех вставать». Какой-то юноша выступал с речью. Диоген, наложив за пазуху волчьих бобов, встал напротив и начал их жевать. Когда люди уставились на него, он сказал, что крайне удивлен тем, что все забыли об ораторе и смотрят на него. Какой-то очень суеверный человек пригрозил ему: «Одним ударом я раскрою тебе череп». — «А я, — ответил Диоген, — чихну слева и брошу тебя в дрожь». Гегесий попросил Диогена дать ему что-нибудь почитать из его сочинений. «Чудак ты, Гегесий, — сказал Диоген. — Когда речь идет о фигах, ты выбираешь не нарисованные, а настоящие. А теперь проходишь мимо возможности по-настоящему потренироваться в добродетели и предпочитаешь написанные наставления».

49 Когда какой-то человек попрекнул его изгнанием, он возразил: «Но ведь именно благодаря ему, бедняга, я и стал философом». Когда же снова кто-то ему сказал: «Граждане Синопы приговорили тебя к изгнанию». — «А я их — оставаться на месте», — последовал ответ. Однажды он увидел олимпийского чемпиона пасущим овец и сказал: «Однако же быстро ты, любезнейший, перешёл от Олимпийских игр к Немейским»[32]. На вопрос, почему атлеты так тупы, он ответил: «Потому что они сделаны из мяса свиней и быков». Однажды он просил милостыню у статуи. Спрошенный, почему он так поступает, ответил: «Так я привыкаю к отказам». Когда он просил милостыню (а впервые он это сделал, находясь в крайней нужде), то обратился к прохожему с такими словами: «Если ты подал другому, то дай и мне. А если ещё не подал, то начни с меня».

50 Когда тиран спросил его, какая медь лучше всего пригодна для статуй, он ответил: «Та, из которой отлиты Гармодий и Аристокитон»[33]. На вопрос, как обходится Дионисий с друзьями, ответил: «Как с мешками; пока они полны, хранит; когда пусты, выбрасывает». Когда какой-то новобраный сделал на своем доме надпись:

Геракл, Зевса сын, прославленный повсюду, здесь живёт.
Пусть никакое зло в дом этот не войдёт!

Диоген добавил: «После войны мирный договор». Сребролюбие он называл средоточием всех пороков. Увидев однажды в трактире гуляку, который ел оливки, сказал: «Если бы ты так завтракал, то так не обедал бы».

51 Людей добродетельных он считал подобиями богов, любовь — делом для тех, кому делать нечего. Спрошенный, что он считает самым большим несчастьем в жизни, ответил: «Нищую старость». На вопрос, укусы каких зверей самые болезненные, ответил: «Из диких — сикофанта, из ручных — льстеца». Увидев однажды двух скверно намалеванных кентавров, спросил: «Какой из них Хирон?»[34] Льстивые речи он называл медовой петлёй, желудок — Харибдой жизни. Когда флейтист Дидимон был уличен в прелюбодеянии, Диоген заметил: «Он заслуживает быть повешенным за своё имя»[35]. На вопрос, почему у золота такой бледный вид, он ответил: «Потому что вокруг него всегда множество злоумышленников». Увидев женщину на носилках, сказал: «Этому зверю нужна не такая клетка».

52 Увидев однажды беглого раба, сидящего у колодца, он сказал: «Смотри, молодец, не угоди туда»[36]. Заприметив в бане воришку, охотившегося за платьем моющихся, спросил его: «Для чего тащишь — для притирания или для одевания?»[37] Увидев однажды женщин, повесившихся на оливковом дереве, воскликнул: «Вот если бы на всех деревьях висели такие плоды!» Заметив человека, крадущего одежду, спросил:

Что ты здесь ищешь, храбрец?
Хочешь ты мёртвых ограбить, polegших на поле?[38]

Спрошенный, есть ли у него раб или рабыня, ответил, что нет. Кто-то спросил: «А когда умрёшь, кто вынесет твой труп?» — «Тот, кому понадобится мое жилище».

53 Увидев красивого мальчика, заснувшего в соблазнительной позе, растормошил его и обратился со словами: "Проснись! Или вонзится копьё в твою беззаботную спину".

Человеку, делавшему обильные покупки для пира, сказал:

“ Скоро умрёшь ты, мой сын, — вот ведь ты что покупаешь...[39]

Когда Платон философствовал по поводу идей и употреблял такие слова, как «стольность» и «чашность», Диоген возразил: «Что касается меня, то стол и чашу, Платон, я вижу, а вот стольность и чашность — нет». На что Платон ответил: «Здесь нет ничего мудрёного. У тебя есть глаза, которыми ты можешь увидеть и стол, и чашу, а вот ума, чтобы увидеть стольность или чашность — не хватает».

54 Спрошенный кем-то, что, по его мнению, за человек Диоген, Платон ответил: «Спятивший Сократ»[40]. На вопрос, когда следует жениться, Диоген ответил: «В юности ещё рано, в старости — уже поздно». Его спросили, что нужно делать, когда тебя бьют. «Надеть

шлем», — последовал ответ. Увидев прихорашивающегося юношу, он сказал: «Если это для мужчин, то ты глупец, а если для женщин — подлец». Увидев однажды, как зарделся юноша, он обратился к нему: «Не робей, мой милый. Это краска добродетели». Услышав спор двух законников, он обругал обоих: «Один из вас у другого украл, а тот ничего не потерял». На вопрос, какое вино он пьёт всего охотнее, ответил: «Чужое». На упрёк: «Многие потешаются над тобой», он ответил: «А я всё не потешаюсь».

55 Когда какой-то человек сказал, что жизнь — зло, он возразил: «Не жизнь сама по себе, а порочная жизнь». Советовавшим ему начать розыски сбежавшего раба он ответил: «Смешно, если Манес без Диогена может жить, а Диоген без Манеса не сможет». Когда он завтракал оливками и ему принесли пирог, он швырнул его от себя и воскликнул:

“ Прочь, чужеземец, с дороги царей![41]

А в другой раз сказал:

“ ... Бичом он ударил оливу[42].

На вопрос, он собака какой породы, ответил: «Когда голоден, — мальтийская, когда сыт — молосская, т. е. из той породы, которую большинство хвалят, но из боязни быть покусанными идти с ними на охоту не отваживаются. Так и со мной вы не можете жить, опасаясь укусов совести».

56 Его спросили, едят ли мудрецы пироги. Он ответил: «Они едят всё то же, что и остальные люди». На вопрос, почему люди нищим подают, а философам нет, он ответил: «Потому что хромыми и слепыми они могут стать, а философами — никогда». Однажды он попросил подаяние у скупца. Тот замешкался. «Человече, — сказал Диоген, — я прошу у тебя на пропитание, а не на погребение». Однажды его упрекнули за участие в подделке монет, на что он ответил: «В то время я был таким, как ты сейчас, но таким, как я сейчас, ты никогда не будешь». На подобный же упрёк в другой раз, заметил: «Раньше я и мочился быстро, а теперь нет».

57 Придя в небольшой городок Минд и увидев там огромные городские ворота, он обратился к жителям: «Граждане города Минда, закройте ворота, чтобы город ваш не сбежал». Увидев однажды вора, пойманного на краже пурпура, он сказал:

Очи смежила пурпурная Смерть и могучая Участь[43].

Когда Кратер[44] пригласил Диогена к себе, тот отказался и сказал, что предпочитает скорее лизать соль в Афинах, чем вкушать изысканные яства у Кратера. Толстяку-ритору Анаксимену он сказал: «Дай и нам, нищим, кусок своего брюха. И тебе будет полегче, и нам поможешь». Однажды, когда этот же ритор о чем-то витийствовал, он стал размахивать селёдкой, чем отвлек слушателей. Анаксимен возмутился. Тогда Диоген сказал: «Несчастливая селёдка ценой в один обол положила конец всем рассуждениям Анаксимена».

58 На упрёк в том, что он ел на агоре, Диоген ответил: «Но ведь на агоре я и голодал». Некоторые авторы связывают с ним и следующий эпизод. Платон, увидев Диогена, моющего овощи, подошёл к нему и тихо сказал: «Служил бы ты Дионисию, не мыл бы себе овощей». А тот так же тихонько ему ответил: «И ты, если бы мыл овощи, не служил бы своему Дионисию». На упрёк: «Многие смеются над тобой», — он ответил: «А над ними, может быть, потешаются ослы, но, как им наплевать на ослов, так и мне наплевать на них». При виде юноши, увлекавшегося философией, он сказал: «Прекрасно. Теперь тех, кто любит твоё прекрасное тело, ты заставишь любить красоту твоей души».

59 Когда какой-то человек удивлялся обилию даров в Самофракии, он заметил: «Их было бы куда больше, если бы их приносили и те, кому не удалось спастись»[45]. По другим источникам, эти слова принадлежат Диагору Мелосскому. Красивому мальчику, собравшемуся на пирушку, он сказал: «Домой ты вернешься худшим, чем ушёл». Вернувшись, мальчик сказал: «Вот я вернулся и хуже не стал». — «Хироном, правда, ты не стал, но стал Эврителином»[46]. Как-то он просил милостыню у ворчливого и угрюмого человека. «Если меня убедишь, то подам», — сказал тот. «Да если бы я мог тебя убедить, то давно бы заставил повеситься», — ответил Диоген. Однажды он возвращался из Лакедемона в Афины. «Ты откуда и куда?» — спросили его. «Из мужской половины в женскую», — последовал ответ.

60 Он возвращался из Олимпии домой. На вопрос, много ли было там народу, ответил: «Народу много, людей мало». Распутников он сравнивал со смоковницами, выросшими над пропастью: человек не может воспользоваться её плодами, а вороны и коршуны их клюют. Когда Фрина поставила в качестве посвящения в Дельфах золотую статую Афродиты, Диоген, говорят, сделал на ней подпись: «От эллинской распущенности». Однажды около него остановился Александр и сказал: «Я Александр — великий царь», — «А я Диоген, собака», — представился философ. Спрошенный, почему его зовут собакой, ответил: «Потому что тем, кто мне подаёт, я виляю хвостом, тех, кто отказывает, облаиваю, а порочных — кусаю».

61 Однажды он срывал плоды смоковницы, а сторож ему сказал: «Недавно на этом дереве повесился человек». — «Отлично, — ответил Диоген. — Теперь я его очищу». Увидев победителя Олимпийских игр, то и дело бросавшего возделанные взгляды на гетеру, он сказал: «Смотрите, как этому бодливому барану свернула шею первая встречная потаскуха». Красивых гетер он сравнивал с медовыми возлияниями мёртвым. Когда он завтракал на агоре, толпа окружила его и из неё то и дело раздавались крики «собака». Диоген огрызнулся: «Это вы собаки. Окружили меня, когда я ем». Когда два развратника пытались скрыться от него, он сказал: «Не бойтесь: псы свёклу не жрут»[47]. Спрошенный об одном порочном мальчишке, откуда тот взялся, он ответил: «Из Тегеи»[48].

62 Увидев бездарного борца, занявшегося врачебной практикой, он спросил: «Это зачем? Не для того ли, чтобы отомстить тем, кто тебя в свое время одолел?» Увидев однажды сына гетеры, который швырялся камнями в прохожих, он крикнул: «Смотри, не угоди в своего отца». Когда мальчик показал ему кинжал, подаренный любовником, он сказал: «Кинжал действительно хорош, да рукоятка у него паршивая»[49]. Когда какие-то люди стали хвалить человека, который дал ему милостыню, он сказал: «Но почему вы не хвалите меня,

заслужившего её?» Когда какой-то человек стал у него требовать назад свой плащ, он ответил: «Если ты подарил мне его, то он мой. Если же ты мне его одолжил, то он мне ещё нужен». Какой-то подкидыш сказал ему, что в его плаще спрятано золото. «Теперь я понял, почему ты спишь, подкинув его под себя», — заметил Диоген. На вопрос, что ему дала философия, он ответил: «Во всяком случае, быть готовым ко всем ударам судьбы».

63 На вопрос, откуда он явился, ответил: «Я — гражданин мира». Когда какие-то родители приносили жертву богам, моля послать им сына, Диоген сказал: «А что из него выйдет, для вас безразлично?» Однажды устраивали пир в складчину, и организатор попросил у него долю. Диоген отвечал:

Грабь ты других, обирай, но от Гектора руки подальше![50]

Гетер он называл царицами царей, потому что они делают всё, что заблагорассудится наложницам. Когда афиняне присвоили Александру имя Диониса, он попросил: «А меня сделайте Сараписом». Некий человек упрекал его за то, что он посещает подозрительные места. «Но ведь и солнце заглядывает в нужники, но это его не марают».

64 Он обедал в храме, и когда принесли загрязнённый хлеб, схватил его и бросил со словами: «В храм не дозволено войти ничему нечистому». Кто-то сказал ему: «Ты неуч, а ещё философствуешь». На что он ответил: «Даже подделываться под мудрость — уже философия». Некто привёл к нему своего сына и сказал, что он очень способный мальчик и в высшей степени добродетелен. «Тогда зачем же я ему нужен?» — спросил Диоген. Людей, которые говорят красно о добродетели, а сами её не придерживаются, он называл кифарами, ибо у них нет ни слуха, ни чувств. Он направлялся в театр, когда другие уже оттуда выходили. На вопрос, зачем он так поступает, ответил: «Я именно так веду себя всю жизнь».

65 Увидев однажды женственного юношу, он сказал: «Не стыдно ли тебе поступать с собой хуже, чем это было задумано природой? Она создала тебя мужчиной, а ты заставляешь себя быть женщиной». Увидев, как глупец настраивал струнный инструмент, он сказал: «Не стыдно тебе приводить звуки в созвучие с деревяшкой, а душу не приводить в гармонию с жизнью?» Человеку, сказавшему: «Я не гожусь для философии», — он заметил: «Для чего же ты живёшь, если тебя не заботит жизнь в добродетели?» Тому, кто презирал своего отца, он сказал: «Не стыдно тебе презирать того, благодаря которому ты можешь проявлять свою гордыню?» Увидев приличного юношу, неприлично бранившегося, он сказал: «И тебе не стыдно из дорогих ножен вытаскивать дрянной свинцовый меч?»

66 Когда его упрекнули за то, что он пьёт в трактире, он ответил: «А стригусь я в цирюльне». Его упрекнули за то, что он принял в подарок плащ от Антипатра. Он ответил:

"Нет, ни один не порочен из светлых даров нам бессмертных[51]".

Когда кто-то задел его бревном, а потом крикнул: «Берегись!», — он стукнул его палкой и заорал: «Берегись!» Один человек приставал к гетере с известными просьбами. Диоген обратился к нему: «Зачем ты, несчастный, хочешь получить то, от чего лучше отказаться?» Человеку, сильно пахнувшему благовониями, он сказал: «Смотри, чтобы твои благовонные

волосы не провоняли всю твою жизнь». Он говорил, что рабы служат своим господам, а дурные люди — страстям. Спрошенный, почему раб получил название «муженогий», Диоген ответил: «Потому что ноги у него, как у мужей, а душа — подобна твоей, мой любознательный». У гуляки он попросил мину.

67 На вопрос, почему у других просят лишь обол, а у этого целую мину, ответил: «У других я надеюсь получить кое-что ещё раз, а получу ли я у него снова, бог знает». Когда его стыдили за то, что он просит милостыню, а Платон не просит, он сказал, что и тот просит, но Голову лишь приклонив, чтоб его не слышали другие[52].

Увидев неумелого лучника, он сел рядом с мишенью, приговаривая: «Это для того, чтобы он не угодил в меня». Влюблённые, говорил он, ради удовольствия готовы испытать все несчастья.

68 Спрошенный, является ли смерть злом, ответил: «Какое же это зло, если его присутствия мы не чувствуем». Когда Александр подошел к Диогену и спросил: «Ты меня не боишься?» — философ спросил в свою очередь: «А ты — зло или добро?» Царь ответил: «Добро». — «Кто же боится добра?» — возразил Диоген. Он говорил, что образование даёт юношам благоразумие, старикам — утешение, беднякам — богатство, богачам — украшение. Увидев однажды, как распутный Дидимон взялся лечить глаз у одной девицы, он сказал: «Смотри, как бы, исцеляя у девушки глаз, ты не повредил ей что-нибудь другое»[53]. Когда кто-то пожаловался, что друзья строят против него козни, он посетовал: «Что же делать, если с друзьями придётся обходиться, как с врагами».

69 Спрошенный, что самое прекрасное у людей, ответил: «Свобода слова». Зайдя в школу и увидев там много статуй, изображавших Муз, и мало учеников, сказал: «С божьей помощью, учитель, у тебя полно учащихся». Он обыкновенно делал на виду у всех всё, что связано с Деметрой и Афродитой, объясняя: «Если завтракать — вещь обычная, то почему бы не завтракать и на площади». Часто занимаясь онанизмом на виду у всех, он приговаривал: «О, если бы, потирая брюхо, можно было бы утолить и голод». О нём ещё многое другое рассказывают, по всё пересказать заняло бы слишком много места.

70 Он учил, что упражнения бывают двух видов: одни касаются души, другие — тела. При постоянном упражнении духа создаются представления, облегчающие совершение добродетельных поступков. Один вид упражнений без другого недостаточен; причём хорошее здоровье и сила имеют для них немаловажное значение, так как относятся и к душе, и к телу. Он приводил также примеры того, как легко благодаря упражнениям совершается переход к добродетели. Можно заметить, что, как в простых ремеслах, так и в других искусствах специалисты, упражняясь, достигают удивительного совершенства и ловкости. Так, например, флейтисты и атлеты чем больше упражняются, каждый в своём деле, тем большего добиваются успеха. Если бы они перенесли свои упражнения также и на душу, то эти усилия не остались бы без пользы и результата.

71 Он утверждал, таким образом, что в жизни невозможно достичь никакого блага без упражнений и что благодаря им можно всё одолеть. Бесплезным трудам следует предпочесть труды в согласии с природой и жить счастливо; люди несчастны только из-за

собственного неразумия. И когда мы привыкнем, то презрение к наслаждению само по себе доставляет высочайшее удовольствие. И как те, кто привык жить, испытывая наслаждения, с отвращением относятся к неудовольствиям, так приучившие себя к последним извлекают радости из презрения к самим удовольствиям. Так он учил и поступал в соответствии со своим учением. Это и впрямь было «перечеканкой монеты», так как он меньше всего считался с законами государства, предпочитая им законы природы. Он утверждал, что ведёт такой же образ жизни, как и Геракл, всему предпочитая свободу.

72 Он утверждал, что всё принадлежит мудрецам, обосновывая это положение уже приведёнными выше доводами[54]: всё принадлежит богам, боги — друзья мудрецов, у друзей всё общее, следовательно, всё принадлежит мудрецам. Без закона, говорил он, невозможна жизнь в государстве, так как вне государства нельзя извлечь никакой пользы от цивилизации, а государство — плод цивилизации. Вне государства нет никакой пользы от закона, следовательно, и закон есть плод цивилизации. Высокое происхождение, славу и тому подобное он высмеивал, называл их украшениями испорченности. Пример единственно совершенного государственного устройства он находил только во Вселенной. Он учил также, что женщины должны быть общими, брак не ставил ни во что, кроме союза, основанного на взаимном согласии. Поэтому и дети должны быть общими.

73 Он не видел также ничего ужасного в краже из храма или в употреблении в пищу мяса любого животного. Причём, говорил он, нет ничего нечестивого и в том, чтобы питаться даже человеческим мясом, как это видно из быта других народов. Более того, согласно здравым рассуждениям, все элементы содержатся во всём и во всё проникают. Так, например, в хлебе заключено мясо, а хлеб — в овощах; и во всём находятся частицы других веществ, проникающие через невидимые поры в виде испарений. Об этом он говорит в «Фиесте», если трагедии принадлежат действительно ему, а не его другу Филиску Эгинскому или Пасифонту, сыну Лукиана, который, как сообщает Фаворин в «Пёстрых историях», написал их уже после кончины Диогена. Музыкой, геометрией, астрологией и тому подобными дисциплинами можно, считал он, не заниматься как бесполезными и ненужными.

74 Он проявлял удивительное остроумие и находчивость в словесных стычках, как это видно из вышесказанного. Свою продажу в рабство он перенёс с большим достоинством. Во время плавания на Эгину он был захвачен пиратами, во главе которых стоял Скирнал, увезён на Крит и там продан в рабство. На вопрос глашатая, что он умеет делать, Диоген ответил: «Править людьми». При этом он показал на одного богато одетого коринфянина (это был упомянутый уже Ксениад) и добавил: «Продай меня этому человеку. Он нуждается в господине». Так Ксениад купил его, отвёз в Коринф и приставил к своим детям и вообще поручил ему управление всем домом. А Диоген так хорошо справлялся со всеми своими обязанностями, что Ксениад повсюду ходил и говорил: «В моём доме поселился добрый гений».

75 Клеомен в сочинении под названием «Педагогик» рассказывает, что друзья Диогена хотели выкупить его из рабства, а тот назвал их глупцами, добавив, что не львы являются рабами тех, кто их кормит, а наоборот. Ведь это рабу свойствен страх, а дикие звери внушают страх людям. У этого человека была такая удивительная способность убеждать,

что он легко своими доводами привязывал к себе людей. Так, например, рассказывают, что какой-то житель Эгины по имени Онесикрит послал в Афины одного из своих сыновей, Андросфена, который, услышав Диогена, остался при нём. Тогда Онесикрит послал за ним своего старшего сына, Филиска, уже упомянутого выше, но и последний был увлечён Диогеном, как и его брат, и остался в Афинах.

76 Тогда, на третий раз, туда приехал сам отец и, не меньше сыновей очарованный учителем, присоединился к ним и посвятил себя философии. Такая, просто волшебная сила заключалась в речах Диогена. Среди его слушателей был и Фокион, прозванный Честным, и Стильпон из Мегар, и много других политических деятелей.

Говорят, что он умер, когда ему было почти девяносто лет. О его смерти существует много преданий. Одни рассказывают, что он умер от холеры после того, как съел сырое мясо осьминога. Другие — что смерть наступила от того, что он сам задержал дыхание. В эту версию верил Керкид из Мегалополя (или с Крита)[55], который так говорит об этом в своих «Мелиямбах»:

Нет, не таким был философ Синопский,
Тот, кто повсюду ходил с посохом, сдваивал плащ и жил под небом открытым.
Смерти достиг и на небо взят, зубы намертво стиснув
77 (Дыхание так прекратилось). Верное имя носил — Диоген,
Зевса потомок, пёс, достойный небес.

Другие передают, что он хотел бросить собакам куски полипа и был укушен в ахиллесово сухожилие, от чего и умер. Впрочем, по сообщению Антисфена в «Диадохах», версию о задержке дыхания придумали его друзья. В то время он жил в Крании, гимнасии, расположенном недалеко от Коринфа. По своему обыкновению ученики пришли к нему, но застали лежащим и закутанным в плащ. Они подумали, что он спит, хотя Диоген не был любителем поспать. Потом они отвернули плащ и, увидев его бездыханным, предположили, что он сделал это умышленно, дабы так уйти из жизни.

78 Тогда, как говорят, между учениками возник спор, кому его хоронить. Причём дело не обошлось без драки. Но пришли их отцы и представители властей и похоронили его вблизи ворот, ведущих на Истм. Там была воздвигнута колонна, а на ней сидела собака, изваянная из паросского мрамора. Позднее и сограждане оказали ему почёт, воздвигнув бронзовые памятники, на которых было написано:

Время состарит и бронзу, лишь Диогенова слава
Вечность саму превзойдёт и никогда не умрёт.
Смертным служил ты примером самодовлеющей жизни.
Ты укажешь им путь, легче его не найти.

И я написал стихи в прокелевзматиках:

Скажешь ли нам, Диоген, какая судьбина тебя
Ввергла в мрачный Аид? — Укус одичавшего пса[56].

Некоторые авторы сообщают, что, будучи при смерти, он оставил наказ, чтобы его не погребали, а бросили на съедение диким зверям или кинули в ров, покрыв тело только тонким слоем пыли. По другим свидетельствам, он просил сбросить его в реку Илисс, чтобы принести пользу своим меньшим братьям.

Деметрий в «Омонимах» утверждает, что Александр и Диоген умерли в один и тот же день[57]: один — в Вавилоне, другой — в Коринфе. В 113-ю Олимпиаду Диоген был уже стариком.

80 Ему приписывают следующие произведения.

Диалоги:

«Кефалион».
«Ихтий».
«Галка».
«Леопард».
«Афинский демос».
«Государство».
«Искусство этики».
«О богатстве».
«О любви».
«Феодор».
«Гипсий».
«Аристарх».
«О смерти».

Письма.

Семь трагедий:

«Елена».
«Фиест».
«Геракл».
«Ахиллес».
«Медея».
«Хрисипп».
«Эдип».

Что касается Сосикрата, то он в первой книге «Преемств» (Diadoche), а Сатир в третьей книге своих «Жизнеописаний» говорят, что все эти сочинения не принадлежат Диогену, а упомянутые маленькие трагедии, как утверждает Сатир, написаны Филиском с Эгины, другом Диогена. Сотион в седьмой книге подлинными считает только следующие сочинения Диогена: «О добродетели», «О добре», «О любви», «Нищий», «Толмей», «Леопард», «Касандр», «Кефалион», «Филиск», «Аристарх», «Сисиф», «Ганимед», «Хрии», «Письма».

81 Было известно пять Диогенов: первый — естествоиспытатель из Аполлонии, сочинение которого имело такое начало: «По моему мнению, начинать любую речь следует с положения, которое не допускает двоякого истолкования»; второй — автор работы о Пелопоннесе — был из Сикиона; третий — о нём мы писали выше; четвертый — философ-стоик, родом из Селевкии, называемый также Вавилонским, ибо Селевкия расположена по соседству с Вавилоном; пятый — из Тарса, автор, посвятивший свой труд проблемам поэтики, которые он пытался разрешить.

Афинодор в восьмой книге своих «Прогулок» говорит о нашем философе, что из-за притираний он всегда лоснился.

Версия #2

Зверобой создал 14 ноября 2025 08:47:32

Зверобой обновил 14 ноября 2025 08:51:36